

Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики*

Договор 971 г. между Русью и Византией

Как известно, договор 971 г. был заключен после тяжелой войны императора Иоанна Цимисхия и князя русов Святослава. Святослав был блокирован византийцами с суши в Доростоле, в Северо-Восточной Болгарии; одновременно на Дунае появился византийский флот. Ввиду неблагоприятной в военном отношении ситуации, усугубленной голодом, Святослав был вынужден заключить мирный договор.

Соглашение между Святославом и Иоанном Цимисхием было оформлено в ходе непосредственной договорной процедуры — посланники курсировали между осажденным городом и разбитой возле Доростола императорской ставкой¹.

Как долго продолжались переговоры, не сообщает ни один источник. «Повесть временных лет» излагает ход переговоров крайне упрощенно — как двукратное отправление посольств, состоящих из видных людей дружины Святослава, с предложением мирного договора императору².

* Окончание. Начало см.: ВВ, т. 56, 1995, с. 68–91. Данная статья воспроизводит незначительно сокращенный текст опубликованной автором немецкой версии (*J. Malingoudi. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994, S. 51–87*).

¹ См. В. П. Адрианова-Перетц. Повесть временных лет. Т. I / Текст и перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л., 1950, с. 51; *Leonis Diakoni. Historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 151 sq.* В этих источниках рассказ о событиях в Доростоле и вне его отличается множеством деталей; однако ход событий все-таки поддается реконструкции. Обзор источников и литературы об этой русско-византийской войне и последовавшем затем договоре см.: А. Н. Сахаров. Дипломатия Святослава. М., 1982; Лев Диакон. История. М., 1988. (Комментарий, с. 206 и сл.)

² Послы Святослава сообщили о самом главном обязательстве их государя следующим образом: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь со царемъ гречскимъ (т. е. с василевсом ромеев — Я. М.) свершену прочая вся лѣта». Эти слова вновь повторены в диспозиции текста документа. В рассказе «Повести временных лет» (с. 51: со слов «и посла слы» до «...глагола сице»), предшествующем тексту самого договора, представляет особый интерес фраза: «нача глаголати солъ вся рѣчи и нача писецъ писати». Конструкция «глаголати-писати» очень похожа на греческое ἐλέγεται καὶ ἐγράφεται, т. е. на формулу, которая, как известно, предваряет *litterarum obligatio*. Естественно, речь идет здесь не о точном воспроизведении данной формулы, и все-таки у читателя возникает впечатление, что в начале протокола могла содержаться подобная формула, посредством которой было необходимо письменно зафиксировать устное заявление. В основе этого свидетельства хроники Нестора могло лежать не-

Грамота договора не содержит инвокации. Она начинается с личного местоимения в интитуляции в форме 1-го лица ед. ч., затем следуют имена и титулы участников соглашения.

Эта интитуляция обозначает субъект договора при помощи глагола (с предикативным и диспозитивным значением) «утверждаю» (βεβαιῶ); с этого же глагола начинается главная часть документа — диспозиция. Здесь также содержится двукратное указание на то, что документ следует рассматривать как юридическое засвидетельствование клятвы, принесенной участниками. Иными словами, заключительный документ является по своей форме в сущности протоколом о первой части непосредственной процедуры переговоров, а именно о принесении клятвы:

«Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свещаньѣ семь роту свою» (ἐγώ, Σφενδοσθλάβος, ἄρχων τῶν Ῥῶς, ὡς ἐπῶμοσα, βεβαιῶ εἰς τὴν συμφωνίαν ταύτην τὸν ἐμὸν ὄρκον).

Адресат диспозитивного постановления упомянут уже в первом пункте договора — это император Иоанн Цимисхий³, великий василевс ромеев⁴, и два

зависимое сообщение византийцев о принесенной князем Святославом присяге, так как первая часть процедуры (принесение присяги) осуществлялась *перед* свидетельствами договаривающихся сторон, как это определенно явствует из текста договора 971 г. Возможно предположение, что греки составили на этот счет документ, чтобы иметь на руках вещественное доказательство. Также возможно, что этот документ не только предоставил составителю летописи данную информацию о клятве, но послужил источником заимствования самой формулы «глаголати-писати» в прямой речи послов Святослава, содержащейся в хронике Нестора (о notiции см. ниже; о другой языковой, уже упоминавшейся выше, семасиологически сходной конструкции см.: *И. П. Медведев. Очерки византийской дипломатики*. Л., 1988, с. 107: *πράττεται καὶ γράφεται τὰ γινόμενα* (geruntur et scribuntur quae aguntur); ее обязательное употребление предписано Новеллой № 47 императора Юстиниана I).

³ Имя главного императора, к которому должен был относиться следующий далее титул, отсутствует в тексте. На его месте стоит слово «всякимъ», которое является, по единогласному мнению исследователей, искажением имени «Иван». См. *В. П. Адрианова-Перетц. Повесть временных лет*. Т. 2. Приложения / Статьи и комментарий Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950, с. 319.

⁴ Титул главного императора («великимъ царемъ греческимъ») — калька с греческого *μέγας βασιλεύς* (Ῥωμαίων), — т. е. титул, который нам уже знаком по договору 944 г. и который мы встретим еще раз — в расширенной форме — в договоре 911 г. Титулом *μέγας βασιλεύς* (Ῥωμαίων) обозначали византийского императора начиная с VII–VIII вв. (*F. Dölger. Byzantinische Diplomatie. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner*. Ettal, 1956, S. 112). Что же касается этого термина во мн. ч., то в соответствии с нормами «краткочерчия» происходило «округление понятия в большую сторону» (см: *F. Dölger. Diplomatie...*, S. 115–116), так что форма мн. ч. *μεγάλοι βασιλεῖς* служила обозначением императора вместе с его соправителями. Дополнение Ῥωμαίων официально вошло в употребление в Византии с начала VIII в. (см.: *G. Rösch. Ὁνομα βασιλείας*. Wien, 1978, S. 38.). Из «Книги о церемониях» Константина Багрянородного (*De caerem.*, cap. 48) известны титулы византийских императоров, употреблявшиеся ими в служебной переписке с иностранными государями. Титулы варьировались в соответствии с политическим положением адресата. Сравнимая титулатура русских договоров с соответствующей ей по «Книге о церемониях», можно определить ее как титулатуру для «торжеств среднего уровня». Однако обозначение императорами самих себя не обязательно должно было совпадать с титулатурой, с которой обращались к византийскому императору иноземные государи. Так, например, согласно «Книге о церемониях», со стороны византийцев было отправлено государю русов письмо *τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων* (*De caerem...*, p. 690.22), в то время как, напротив, князь Олег в договоре 911 г. обращался к императорам следующим образом: *πρὸς μεγάλους ἐκ θεῶ ἀυτοκράτορας, βασιλεῖς Ῥωμαίων*.

его соправителя, Василий и Константин⁵, боговдохновенные василевсы⁶: «хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ греческимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и с боговдохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка». Затем по порядку перечисляются принятые русами обязательства, которые должны были сохранять силу вечно.

Прежде всего сформулирован *запрет на нарушение договора*: князь клянется, что обязательства будут соблюдаться как им самим, так и всеми боярами и всеми русами: «Яко же кляхъся ко царемъ гречьскии, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщания» (συμφωνίας).

Далее объявляются санкции, предусмотренные на случай нарушения договора (со слов: «аще ли от тѣхъ» до: «да исѣчени будемъ»). *Формула санкции* очень похожа на употребленную в договоре 944 г. И там, и тут грозят гневом богов, которые должны покарать преступившего клятвы и повернуть оружие клятвопреступников против них самих.

Непосредственно к клаузуле санкции примыкает так называемая «формула истинности», т. е. заявление, в котором заверяется, что установление кары на случай нарушения договора соответствует истине: «се же имѣйте во истину, яко же сотворихомъ⁷ нынѣ къ вамъ» (ταῦτα πάντα ἵνα ἔχετε ἀληθῶς, ὡς ἡμεῖς ἐποιήσαμεν νῦν πρὸς ὑμᾶς).

Формула корроборации упоминает скрепление печатью как средство засвидетельствования оформленного договора: «се же написахомъ на харатыи сей и своими печатьми запечатахомъ» ([ὡς] ἐγράψαμεν ἐν τῷ χάρτῃ τοῦτω καὶ ταῖς ἡμετέραις σφραγῖσι ἐσφραγίσαμεν).

Грамота не датирована. Дата находится в заголовке, который мы рассмотрим ниже. Заключительная грамота составлена от 1-го лица ед. ч., либо же (когда Святослав имеет в виду также свою свиту) сформулирована в 1-м лице мн. ч. К другой договаривающейся стороне обращаются при этом во 2-м лице мн. ч.

Сравнивая договор 971 г. с договором с пизанцами от 1111 г.⁸, можно констатировать следующие отличия: а) в русской грамоте отсутствует *Invocatio* и эсхатокол (ведь русы были еще язычниками); б) русская грамота содержит формулу санкций и «формулу истинности», тогда как грамоты пизанцев и венецианцев включают только простой запрет на нарушение договора; в) в договоре 971 г. отсутствует распоряжение о придании ему силы закона. Дело в том, что русам не нужно было ждать оформления ответной

⁵ Император Иоанн Цимисхий правил (вместе с Василием II и Константином VIII) с 11 декабря 969 г. по 10 января 976 г.

⁶ Обозначение соправителей как «боговдохновенных царей» соответствует греческому θεόπνευστοι βασιλεῖς (а Deo inspirati). Греческое βασιλεῖς в титуле передано нами как «василевс», в остальных случаях — как «император».

⁷ Спрашивается, не употреблен ли здесь глагол «сотворихомъ» (греч. ἐποιήσθημεν) вместо (ἐπ)εσθῆ, как это обычно было, согласно Ф. Дэльгеру (F. Dölger. Diplomantik..., S. 343); в таком случае, фразу: «яко же сотворихомъ нынѣ к вамъ», — следует рассматривать как формулу вручения договора.

⁸ Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 82–83.

грамоты императора так же долго, как пизанцам (пизанцы принесли клятву в конце 1110 г., а императорский хрисовул был оформлен для них только в октябре 1111 г.): русы, возможно, получили грамоту на руки немедленно, так как только посредством обмена текстами договор вступал в силу и позволял русам (в соответствии с соглашением) выйти из осажденного города и отправиться на родину.

Два юридических процесса, которые привели к заключению международно-правовых договоров 971 и 1111 гг., протекали в разной последовательности: русы сначала давали устную личную клятву, в которую включались все их обязательства, затем следовало оформление окончательного текста договорной грамоты. Пизанцы и венецианцы поступили наоборот: они сначала письменно зафиксировали соглашение с императором, и лишь затем последовала утверждающая договор клятва тех высших органов власти городов-республик, которые предусматривались для этого акта законодательством.

Договор 911 г. между Русью и Византией

Договор 911⁹ г. представляет особенно большие трудности при изучении процедуры его заключения. Ни один источник не содержит каких-либо достоверных сообщений о том, как это происходило. Да и сам текст договора отличается рядом существенных особенностей. С одной стороны, ему присущи признаки посреднической грамоты (лицо, его подписавшее, не было само правителем, но и 15 человек, которые были наделены полномочиями, тем не менее обходились без посредника). С другой стороны, договор не содержит обязательства по ратификации. Вместо этого помещена формула вручения, которая, в свою очередь, является признаком заключительных грамот или заключительной грамоты. В дальнейшем мы попробуем объяснить это противоречие.

Грамота не имеет, как и оба других русских договора (944 и 971 гг.), никакой инвокации. Она начинается с именованя участников «мы» в интитуляции. Ни один из 15-ти участников договора не наделен каким-либо титулом; всем им приписано одно происхождение: «Мы от рода рускаго» (Ἡμεῖς ἀπὸ τοῦ γένους τῶν Ῥώζ).

Полномочия на засвидетельствование — формула авторизации. 15 русов — участников договорного процесса не называют себя посольством; ни один из них не имеет также собственного доверителя, как это ожидалось бы, принимая во внимание договор 944 г. Доверителями всех 15-ти лиц является Олег (882–912), великий князь Руси, и высшее окружение, подчиненное ему; адресатами являются императоры Лев, Александр и Константин¹⁰.

⁹ Сохранился только в «Повести временных лет» в старославянском переводе. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Повесть..., т. 1, с. 25–29 (договор датирован составителем летописи сентябрем 6420 г., т. е. 911 г.).

¹⁰ Соправителями Льва VI (30.VIII.886 — 11.V.912) были: с 30.VIII.886 г. — Александр и с 15.V.908 г. — Константин VII.

Пожалование полномочий выражено оборотом «похотѣниемъ... и по повелѣнию», который точно соответствует греческому ἐξ θελήσεως καὶ ὀρισμοῦ, как это уже знакомо нам по тексту посреднической грамоты пизанцев 1170 г.¹¹ Относительно этой формулы имеются и другие примеры в византийских грамотах, употребляющих аналогичные обороты для наделения полномочиями: ἔχοντα ἐντελῆ ἐξουσίαν καὶ ἄδειαν καὶ ὀρισμὸν τραχταίσαι¹² («обладая полной властью и распоряжением вести переговоры»); ἐξουσίαν μετ'... ὀρισμοῦ... ποιήσῃ... τρέβαν («властью вместе с распоряжением заключить договор»)¹³; κατὰ γε τὸ τῆς βασιλείας μου θέλημα¹⁴ («в соответствии с волей моей царственности»); ἔχοντας τὴν ἐξουσίαν καὶ τὸ θέλημα... τοῦ δουκὸς Βενετίας¹⁵ («обладая властью и волей дожа Венеции»).

Полномочия участников выражены в договоре 911 г. следующим образом: «послани... на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывшею любовь». Здесь нужно объяснить употребление выражений «удержание» и «извещение», которые являются решающими для понимания текста. Слово «удержание» соответствует греческому существительному συντήρησις (или διατήρησις) в значении «сохранение», «соблюдение», «удержание» (от соответствующих глаголов συντηρεῖν и διατηρεῖν). Сошлемся на примеры из хрисовулов и встречных грамот: συντηρηθήσονται τοῖνυν τὰ ἀναγεγραμμένα¹⁶ («предписанное будет соблюдено»); ἡ χώρα τῆς Πίσσης καλῶς συντηρεῖ τὰς... συνθήκας¹⁷ («земля Пизы хорошо соблюдает договоры»). Что же касается термина «извещение», то ему соответствует греческое существительное ἐπικύρωσις (или κύρωσις — «заверение»), образованное от глаголов хуреῖν (или ἐπικυρεῖν): ἐπικυρώσειν τε καὶ πληρώσειν τρέβαν¹⁸ (заверить и утвердить договор); παραδεχθείσας καὶ ὄρκω хυρωθείσας¹⁹ («признавая и клятвой заверяя»).

Итак, 15 человек были их доверителем «послани... на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывшею любовь»; по-гречески, вероятно: (ἀποσταλθέντες) εἰς συντήρησιν καὶ ἐπικύρωσιν τῆς μεταξὺ τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς πρὸ πολλῶν ἐτῶν γενομένης ἀγάπης.

Следующий абзац, по моему мнению, повторяет — в более расширенной и конкретизированной форме — указание на объем полномочий или наказ для посланников: князь желает не только иметь выраженный в точной словесной форме уже давно существующий договор о мире, но также подтвердить и заверить его грамотой и клятвой на оружии в соответствии с верованиями и обычаями русов.

¹¹ Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 56, 76–77.

¹² ММ 3, 177₁₃, 163₃₃.

¹³ ММ 3, 115₂.

¹⁴ ММ 3, 37₂₄.

¹⁵ ММ 3, 76₃₁.

¹⁶ ММ 3, 23₁₄.

¹⁷ ММ 3, 15₂₂.

¹⁸ ММ 3, 115₄. О славянском глаголе «известить» как эквиваленте греческого хуреῖν, ἐπικυρεῖν см. также: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990, т. 3, с. 482.

¹⁹ ММ 3, 32₃₅.

При сравнении этих данных в отношении полномочий лиц, заключивших договор 911 г., с соответствующими данными не только итальянских, но и обоих исследованных выше русских грамот, поражает тот факт, что здесь нет ни слова о переговорах, о заключении или обновлении договора. Определенно говорится лишь о засвидетельствовании уже существующего договора. Следовательно, мы имеем здесь дело не с формулой наделения полномочиями, но с *формулой засвидетельствования*.

Согласно правилам использования актового материала, должно различать предоставление полномочий от поручения на засвидетельствование. В первом случае лицо, получившее полномочия, действует свободно при переговорах о содержании договора, тогда как в случае поручения на засвидетельствование содержание договора не подлежало изменениям и санкционировалось самим государем. Лицо, получившее поручение на засвидетельствование («юридический субъект грамоты»), при процедуре заключения договора заменяло государя только во время письменного фиксирования соглашения, при оформлении конкретного текста договора, но не при обсуждении самого его содержания. На этом основании грамота, оформленная лицами, получившими поручение на засвидетельствование, имела такую же законную силу, как и грамота, оформленная самим государем. Замещение государя его доверенными лицами во время оформления грамоты юридически определяется как *авторизация* — она выделяется в виде особой формулы при написании документа²⁰.

Целиком формула авторизации в русском договоре гласит:

«(Мы)... иже послани от Олга, великого князя рускаго²¹, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Лвови и Александру и Костянтину, великим о бозѣ самодержьцем, царем греческим²², на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и

²⁰ Об авторизации см. *L. Bittner. Die Lehre von den völkerrechtlichen Vertragsurkunden.* Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924, S. 40–49.

²¹ О титуле «великий князь» см.: *Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке...*, с. 87. Очевидно, здесь этот титул представляет собою синоним выражения «наша свѣтлость», находящегося несколькими строками ниже. Эпитеты «великий» и «свѣтлый», обозначающие также членов высшего окружения Олега (включая его родственников), верный показатель того, что этот титул не соответствовал реальным отношениям в обществе русов того времени. См.: *K. Rahbek-Schmid. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters.* Kopenhagen, 1964, S. 290 ff.

²² О титуле «великим царем греческим» см. выше с. 3, примеч. 4. Добавление «о бозѣ самодержьцем» соответствует греческому *ἐκ Θεῶ ἀυτοκράτορες*. Это добавление встречается также на печатях и прежде всего во введениях к императорским грамотам (см. *H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.* Wien, 1964, S. 49 ff. См. также: *G. Rösch. *Όνομα βασιλείας...*, S. 63 ff., 112). Выражение «о бозѣ» могло заменять также греческое *ἐν Θεῶ*, несмотря на то, что корректное добавление к титулатуре выражалось в терминах: *πιστός ἐν Χριστῶ τῷ Θεῶ* или *πιστός ἐν (αὐτῷ τῷ) Θεῶ*. См. *F. Dölger. Diplomatiek...*, S. 141 ff., 128. Составная часть титула *αὐτοκράτωρ* употреблялась обычно в отношении главного императора; однако форма мн. ч. служила для обозначения (как в случае с *μεγάλοι βασιλεῖς*) и главного императора, и его соправителей. Все это очевидно в титулатуре нашей грамоты (см. *F. Dölger. Diplomatiek...*, S. 115 ff., 135 ff). О пристрастии Льва VI к титулу *αὐτοκράτωρ* см.: *A. Schmink. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern.* Frankfurt, 1986, S. 92–94.

Русью²³ бывшую любовь, похотѣньем наших великих князь и по повѣ-
лению от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси.

Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи еже о бозѣ удержати и извѣстити такую
любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды право судихомъ, не то-
чью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием
своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему».

(*Ημεῖς... οἱ ἀποσταθέντες παρὰ τοῦ Ὀλέγου, περιφανοῦς ἄρχοντος τῶν Ῥως καὶ
παρὰ πάντων τῶν ὑπὸ τὴν χεῖραν αὐτοῦ περιφανῶν ἀρχόντων καὶ βογιάρων αὐτοῦ*²⁴,
πρὸς ὑμᾶς, Λέοντα, Ἀλέξανδρον καὶ Κωνσταντῖνον, μεγάλους ἐκ Θεοῦ αὐτοκράτορας,
βασιλεῖς Ῥωμαίων, εἰς συντήρησιν καὶ ἐπικύρωσιν τῆς ἀναμέσον τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν
Ῥως πρὸ πολλῶν ἐτῶν γενομένης ἀγάπης, ἐξ θελήσεως τῶν ἡμετέρων περιφανῶν
ἀρχόντων καὶ ἐξ ὀρισμοῦ παρὰ πάντων τῶν ὑπὸ τὴν χεῖραν αὐτοῦ ὄντων Ῥως.

Н Эклампрѣтѣс ѣмѡн, ѡπερ пѡн ἄλλο βουλομένη тоιαῦτην τὴν ἀγάπην, τὴν γενομένην
ἐπὶ τῷ Θεῷ μεταξὺ τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥως διατρεῖν, πολλὰκις δίκαιον ἐκρίναμεν, οὐ
μόνον ἀπλοῖς λόγοις, ἀλλὰ ἐγγράφως καὶ ὄρκω στερεῶ, ὁμνύοντες ἐπὶ τοῖς ὅπλοις ἡμῶν,
τοιαῦτην ἀγάπην βεβαιῶσαι καὶ ἐπικυρῶσαι κατὰ τὴν πίστιν καὶ συνήθειαν²⁵ ἡμῶν).

Итак, согласно формуле авторизации следует обозначить в русской гра-
моте 15 участников договорного процесса как уполномоченных, задача ко-

²³ Слово «Русь» — имя существительное женского рода, которое обозначало как землю Киев-
ской Руси, так и ее жителей. Обозначение ее обитателей как «русов» не соответствует реал-
лиям того времени, так как еще сохранялось различие между славянами и «русам» скан-
динавского происхождения.

²⁴ Понятие «бояре», которое обнаруживается во всех трех русских договорах и которому, как титу-
лу великого князя, придавалось ключевое значение в ранней Киевской Руси, обозначало в Рос-
сии до XVII в. членов высшей господствующей прослойки, имевшей в своем распоряжении по-
местья. По-видимому, происхождение слова связано с языком дунайских болгар, у которых
термином «болярин» обозначался член семьи, принадлежавшей к самому высокому господ-
ствующему слою. Через переводную литературу термин проник в древнерусский. В пользу этого
свидетельствует тот факт, что это слово до начала XII в. в литературных произведениях соб-
ственно русского происхождения встречается только в форме мн. ч., что указывает на его лите-
ратурный или заимствованный характер. Отсутствие формы ед. ч. является надежным показа-
телем того, что, возможно, до XII в. этим словом не обозначали на Руси конкретную, реальную
господствующую группу (см. *K. Rahbek-Schmid. Terminologie...*, S. 470, 491; *C. В. Завадская. Боля-
рин-боярин в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на террито-
рии СССР. Материалы и исследования, 1985 г. М., 1986, с. 89–94*). То обстоятельство, что в двух
других договорах слово «бояре» употребляется как синоним слова «князи», наводит на мысль,
что в греческом оригинале стояло только одно слово (*ἄρχοντες*), которое один раз было переве-
дено как «князи», а другой раз — как «бояре». О том, что это было возможно, свидетельствуют
следующие примеры из церковнославянской переводной литературы. Слова «οἱ ἐνδύστατοι
ἄρχοντες εἶπον» переведены в одном случае «славьни боляри рѣша», в другом — «славьни кнѣзи
рѣша», хотя эти два места отделены друг от друга только одной страницей (*В. Н. Бенешевич.
Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906 (Leipzig, 1974, Bd. 1, S. 126, 127)*).
Тогда эти два термина в данном месте могут быть объяснены как вставка переписчика «Повести
временных лет», сделанная после того, как обозначение «бояре» стало принятым на Руси.

²⁵ Едва ли можно применить к клятве русов-язычников на оружии термин «закон» в его обычной
интерпретации; вернее обозначить это действие словом «традиция» (или «обычай»), тем более
что слово *συνήθεια* в сходных случаях употреблялось в императорских хрисовулах (*δοῦχ Βενετίας
μέλει... ποιῆσαι ὀρκωμοτικὸν... καὶ ἐπομόσασθαι αὐτὸ ἐπὶ τῇ ψυχῇ αὐτῷ... κατὰ τὴν... συνήθειαν* (ММ 3,
110₂₆), т. е.: «Дожду Венеции предстоит оформить клятвенную грамоту и поклясться своей душой
согласно обычаю»). См. также: *Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке...*, с. 80.

торых состояла в обеспечении второго этапа непосредственной процедуры²⁶, — засвидетельствовать соглашение и затем передать эту грамоту партнеру по договору. Из текста самой грамоты ясно, что засвидетельствование было *вторым* этапом, во время которого государь (князь Олег) не появлялся в Константинополе. Следовательно, *первый* этап непосредственной договорной процедуры (подтверждение под присягой соглашения со стороны Олега) должен был происходить раньше составления самой грамоты (ниже мы попытаемся ответить на вопрос о том, *когда состоялось принесение клятвы Олегом*).

Диспозиция заключительной грамоты начинается следующей фразой: «Суть, яко понеже мы ся имали о божьи любви и о мире²⁷, главы таковыя». Возможный обратный перевод: ταῦτά εἰσι τὰ περὶ τῆς ἐν Θεῷ ἀγάπης καὶ περὶ τῆς εἰρήνης κεφάλαια οὕτω. По моему мнению, это предложение можно воспринимать как формулировку достигнутого между партнерами согласия, открывавшую диспозитивную часть грамоты.

Сразу после этой фразы сообщается о договорном обязательстве (единственном) русской стороны: «по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга». Выражение «по первому слову» объясняется в историографии самыми различными способами. Мы предпочли для «слова» значение «дача заверения», «обещание»²⁸, а для «прѣвъ» — «прежний», «прошлый»²⁹. По-гречески, вероятно, фраза звучала так: κατὰ πρῶτον οὖν λόγον ἵνα εἰρηνευθοῦμεν μετ' ὑμῶν τῶν Ῥωμαίων [Γραικῶν]³⁰ καὶ ἀγαπῶμεν ἀλλήλους.

Это единственное договорное обязательство плавно переходит в «формулу добровольности». Цель ее состоит в том, чтобы выделить в установлении диспозитивного распоряжения свободное и искреннее волеизъявление участников заключения договора. Как в официальных, так и в частных (византийских) грамотах эта формула выражалась рядом фигур речи и оборотов, которые подчеркивали различные аспекты свободного волеизъявления: партнеры объявляли, что распоряжение осуществлено «по зрелом размышлении», «без принуждения», «без боязни», «не в неведении», «в полном сознании» и т. п. Указание на характер свободного волеизъявления при составлении юридического акта было необходимо, так как акт, заключенный с применением принуждения или обмана, являлся недействительным³¹.

²⁶ Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 72.

²⁷ Мы предпочли слово «мир» некоторых рукописей ПВЛ слову «вѣра» в издании Адриановой-Перетц, поскольку в последовавшей затем клятве русы клялись не преступать «от уставленных глав мира и любви».

²⁸ Я понимаю под этим договорное обязательство Олега хранить мир. См. ниже.

²⁹ Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966 (далее SJS), sv. 4, s. 112 («slovo»); sv. 3, s. 400 («pervyi»).

³⁰ Форма οἱ Γραικοὶ засвидетельствована протоболгарскими надписями начала IX в., написанными по-гречески (см.: V. Beševliev. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, S. 137 ff. Документы из греческой литературы см.: Ch. D. du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Lyon, 1688 (Graz, 1958), vol. I, p. 263.

³¹ См. И. П. Медведев. Очерки..., с. 59 и «формулу добровольности» в гатуэзской посреднической грамоте 1192 г.; см. также: Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 726, примеч. 36.

«Формула добровольности» в русском тексте договора 911 г. гласит: «(да любим друг друга) от всеа душа и изволения»³² — (ἵνα ἀγαπῶμεν ἀλλήλους) ἐξ ὅλης ψυχῆς καὶ προαιρέσεως. Позволительно в этой связи процитировать ряд подобных или сходных формулировок из других грамот; приводим для сравнения лишь единичные примеры (которых достаточно много): ἐξ ὅλης ψυχῆς καὶ ἀπλῆ καρδίᾳ («от всей души и с чистым сердцем»); ἐκουσίᾳ μου τῇ γνώμῃ καὶ οἰκείᾳ προαιρέσει («в соответствии с моим свободным желанием и моим собственным решением»); ἐξ ὅλης ψυχῆς καὶ προθυμίας («от всей души и со свободным желанием»); ἐκουσίᾳ προαιρέσει χωρὶς δόλου («со свободным желанием, без коварства»); μετὰ παντὸς καλοῦ θελήματος («со всей благой волей»)³³.

Запрет на нарушение (условий договора) сформулирован здесь любопытным способом: один раз негативно, а другой раз — в позитивной форме, включающей обязательство выполнить обещание. Негативная формулировка сообщает о том, чего именно русы собираются избегать: «и не владимъ, елико наше изволение, быти от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ». Эта фраза на старославянском с трудом поддается пониманию, так как переводчик сильно погрешил здесь против славянской грамматики. Однако, переведя это предложение обратно на греческий, получаем формулу, которая уже встречалась нам как в частных (византийских) актах, так и в императорских хрисовулах. Ключевыми понятиями для понимания фразы являются слова «владимъ», «соблазнъ» и «вина». Первое слово соответствует греческому *διδόναι* в значении «предаваться», «позволять (себе)»; «соблазнъ» эквивалентен греческому *σχάνδαλον* («повод к преступлению», «искушение»), а «вина» означает «мнимая причина», «предлог», «причина, которая должна служить оправданием», «отговорка», т. е. может быть передана греческими словами *πρόφαση, ἀφορμή, αἰτία*³⁴.

Таким образом, смысл этой фразы состоит в следующем: русы обещают не допускать, насколько это в их силах, никакого преступления и не использовать никакого предлога, чтобы оправдать несоблюдение ими принятого договорного обязательства. Предполагаемый обратный перевод этой формулы: *καὶ μὴ δίδοναι, ὅσον ἂν κατὰ θέλημα ἡμῶν ἐστί, ἔχειν ἅπανι τοῖς ὑπὸ χεῖραν τῶν ἡμετέρων περιφανῶν ἀρχόντων, μηδὲ σχάνδαλον ἢ πρόφασιν*.

О том, что данная формула не представляет ничего необычного, говорят следующие примеры: *μὴ δυναμένου τινὸς τῶν ἀπάντων πρὸς τοῦτο ἀντιλέγειν ἢ ἀντιπίπτειν μήτε ἡμεῖς μήτε κληρονόμοι ἡμῶν* («никому не позволено против этого возражать или противиться, — ни нам, ни нашим наследникам»); *μὴ τολμῶμεν δεῖ ἡμεῖς ἀπὸ σήμερον ὀρίζειν ἢ ἐνοχλεῖν ἐν τινὶ ἡμῶν* («с сегодняшнего дня да не осмелится никто из нас что-нибудь постановлять или препятствовать»); *τοῦ μὴ ἔχειν μας ἐξουσίαν... ἐπιζητεῖν* («никто из нас не имеет права что-либо требовать»)³⁵.

³² Славянское слово «изволение» переводится греческим *θέλημα, πράξεις πρόθεσις* или *προθυμία*, см. SJS 1, s. 728; слав. «любити» соответствует греч. *ἀγαπᾶν φιλεῖν, στέργειν, ἀσπάξασθαι, ἐπιποθεῖν, σέβασθαι* или *τιμᾶν* (см. SJS 2, s. 158).

³³ Все эти примеры-«формулы добровольности» из частных грамот заимствованы из труда: G. Ferrari. I documenti greci medioevali di diritto privato dell' Italia Meridionale // Byzantinisches Archiv, 1910, т. 4, p. 29, 48–49; см. также И. П. Медведев. Очерки..., с. 58–59.

³⁴ О старославянских словах и их греческих эквивалентах см. SJS 1, s. 241 и 189; SJS 4, s. 213.

³⁵ См.: G. Ferrari. I documenti..., p. 34.

Перейдем теперь к позитивной формулировке рассматриваемой формулы. Здесь говорится, что участники договора намерены поддерживать соблюдение их договорных соглашений. В заключительной русской грамоте эта формулировка передана словами: «но подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, Греки, исповеданием и написанием со клятвою извещаемуя любовь непревратну и непостижну».

В обратном переводе (который мы предлагаем, учитывая аналогичные формулировки из сохранившихся греческих грамот) эта фраза имела бы следующий вид: ἀλλὰ σπουδάσωμεν, κατὰ δύναμιν, εἰς τὸ διαφυλάξειν εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεχεῖς χρόνους μεθ' ὑμῶν Γραικῶν, τὴν δι' ἐγγράφου μεθ' ὄρκου ἐπικυρωθεῖσαν ἀγάπην ἀμετάτρεπτον καὶ ἀπαρασάλευτον.

Наше заключение о том, что в русской заключительной грамоте речь идет действительно о запрете на нарушение договора, мы могли бы доказать с помощью следующего примера, составленного сходным образом, а именно — сначала была выражена в негативной форме мысль наложить запрет на нарушение (в виде предостережения), а затем, посредством ряда синонимичных выражений, был описан образ действий, с помощью которых надеялись добиться соблюдения договоренности. Упомянутый пример заимствован нами из императорского хрисовула Генуе 1193 г.³⁶: μηδε' ἀπὸ τοῦ, ὡς εἴρηται, προβάντος σκανδάλου πρόφασιν ὀδεθήποτε μερικῶς ἢ καθόλου τῷ μέρει τῆς βασιλείας μου... ἢ τῇ Γενοῦα δοθῆναι εἰς ἀναίρεσιν τῶν μεταξὺ ἡμῶν συμφωνηθέντων ἐν τῷ χρυσοβούλλῳ λόγῳ τῆς βασιλείας μου καὶ τῷ ὄρκωμοτικῷ ἐγγράφῳ αὐτῶν ἐμπεριειλημμένων, ἀλλ' ἐν ἀσφαλεῖ καὶ ἀπαραβάτῳ καὶ ἀκεραίῳ φυλάττεσθαι ταῦτα, καθὼς ἀρχῆθεν ἐξετέθησαν, καὶ οὕτω λογίζεσθαι, ὡς μηδενὸς παρεμπροσόντος σκανδάλου εἰς ἀναίρεσιν τούτων ὀπωσθήποτε ἀφορῶντος.

Переводим по смыслу: «надлежит, чтобы ни со стороны моей царственности, ни со стороны Генуи не был представлен предлог к полной или частичной отмене между нами согласованных и в хрисовуле логосе моей царственности и в клятвенной грамоте с их стороны письменно изложенных соглашений, но они должны соблюдаться надежно, неизменно и без исправлений, а именно так, как они были первоначально изложены, и должно не признавать никакого предлога, который может послужить обоснованием для недействительности какой-нибудь части договоренности».

Итак, после того, как мы выяснили, что диспозиция русской грамоты «защищена» хотя и излишне подробным, но общепринятым запретом на нарушение, перейдем к отдельным словесным выражениям этого запрещения, поскольку оно представляет чрезвычайный интерес с точки зрения практики составления договоров византийцами.

Речь идет о словосочетании «исповеданием и написанием со клятвою извещаемуя любовь», которое объяснялось в литературе самым разным образом. Слово «исповедание» стоит на месте греческого ὁμολογία в юридическом (но не в христианском или религиозном) значении «уверение», «заверение»³⁷.

³⁶ ММ 3, 46₁₋₄; см. также ММ 3, 44₂₁, 43₇.

³⁷ SJS 1, s. 803. О том, что слав. «исповедание» соответствует греч. ὁμολογία, писал уже Н. Лауровский. (О византийском элементе в языке договоров русских с греками // Русский филологический вестник. Варшава, 1904, т. 52, вып. 3, с. 112). Однако он ошибочно, на основании приведенной Менандром записи византийско-персидского договора 562 г. (см.:

Этот греческий термин можно трактовать как «юридически значимое заявление, которое сделано кому-нибудь»³⁸. Однако *ὁμολογία* может также означать «тот вид документа, который служит для заверения заявления, в котором собираются выразить признание или декларирование некоего факта»³⁹. «Омология» могла иметь форму устного (клятвенного или нет) заверения; хотя и в этом случае было необходимо присутствие свидетелей, греки все же имели обыкновение составлять письменную запись на этот счет⁴⁰. Грамота-«омология» могла быть стилизована как субъективная, а также как объективная; запись сделанной устно «омологии» была объективной, лишенной строгой формы нотиицей, т. е. подтверждающим документом⁴¹.

Что же можно усматривать под *ὁμολογία* русской заключительной грамоты? По моему мнению, под ней необходимо понимать первый правовой акт непосредственной процедуры переговоров — устное клятвенное заявление (уверение, заверение) Олега и его людей византийским императорам Льву и Александру. Русы клялись своими божествами Перуном и Волосом хранить мир с греками — взамен они получили от греков дань, а также разрешение вести торговлю в Константинополе на очень выгодных условиях. Случилось это, согласно хронике Нестора, в 907 г. Если не воспринимать данное свидетельство о событиях 907 г. как позднюю вставку легендарного характера, то можно в таком случае выявить основу этих сведений — «омологию», сделанную Олегом⁴².

Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 69, примеч. 4) соотнес смысл этого слова со значением «ратификация».

³⁸ Ср.: L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 736, Anm. 15.

³⁹ Ср.: H. von Soden. Untersuchungen zur Homologie in den griechischen Papyri Ägyptens bis Diokletian. Köln; Wien, 1973, S. 24. Юридический смысл этого слова известен со времен античности; исторический очерк об этом термине см.: B. Keil. ΕΙΡΗΝΗ. Eine philologisch-antiquarische Untersuchung // Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Leipzig, 1916, Bd. 68, H. 4, S. 1–90. См. об этом термине также весьма содержательную работу: A. Heuß. Abschluß und Beurkundung des griechischen und römischen Staatsvertrages // Klio, 1934, 27, Teil I, S. 14–53; Teil II, S. 218–257.

⁴⁰ Ср.: L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den ostlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches. Leipzig, 1891; Nachdruck Hildesheim, 1963, S. 514.

⁴¹ В подтверждающем документе (Notitia) посторонний наблюдатель (нотарий или партнер по договору) сообщил о правовом действии, которое вследствие этого было засвидетельствовано и установлено; нотиица несущественна при разработке правового акта. Обыкновенно она является объективной и не расчленяет текст на формулы дипломатики. Наоборот — грамота, без которой акт не может осуществляться (в том числе как посредническая, так и заключительная), является (= есть) *дискоситивной* грамотой; только эта грамота создавала подсудность, только посредством составления дискоситивной грамоты приводился в исполнение правовой акт. Ср.: L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 736; H. Breslau. Handbuch der Urkundenlehre. Bd. 1. Berlin, 1969, S. 49; O. Reillich. Allgemeine Einleitung zur Urkundenlehre. München; Berlin, 1907 (München, 1971), S. 18–19.

⁴² Основой этого рассказа могла быть, по моему мнению, *объективная* нотиица греков об «омологии» князя Олега. Летописец мог располагать как текстом грамоты 911 г., так и документом, подтверждающим клятву Олега. Однако Нестор не распознал того, что в двух актах содержатся данные об *одном-единственном* договоре, поскольку первая грамота была стилизована как объективная, другая как субъективная. Объективная дала ему хороший повод насытить ее элементами предания об Олеге, переработать лексически и стилистически и так переделать в компактную повесть. См. об этом ниже: J. Malingoudi. Die russisch-byzantinischen Verträge..., S. 98.

Другое важное слово разбираемого пассажа — «написание» — представляет собой перевод греческого ἔγγραφο («грамота»), а именно та грамота, которую мы только что исследовали и посредством которой было осуществлено составление второго правового акта непосредственной процедуры. Словосочетание «написанием со клятвою извещаему» (δι' ἔγγραφου μεθ' ὄρκου ἐπικυρώσαντος) находит соответствие в византийских грамотах, из которых процитируем лишь некоторые: ὄρκω σωματικῶ ἐπὶ τῷ ἔγγραφῷ τῆν... συμφωνίαν αὐτῶν ἐνταῦθα ἐπικυρώσαντων («удостоверяя здесь их соглашение личной клятвой на грамоте») ⁴³; ἔγγραφο μετὰ ὄρκον ἀσφάλειαν τίθημι («предоставил письменные гарантии вместе с клятвой») ⁴⁴; ἵνα ὁ...δοῦξ ἀποδέξῃται καὶ ἐπικυρώσῃ πάντα τὰ προρρηθέντα κεφάλαια («чтобы дож признал и удостоверил все вышеупомянутые пункты договора») ⁴⁵.

«Формула нарушения» в русской грамоте заканчивается требованием к противоположной стороне подобным образом соблюдать договор о дружбе в его первоначальной форме: «Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и во вся лѣта». Наш предполагаемый перевод: ὡσαύτως καὶ ὑμεῖς, οἱ Γραικοί, ἵνα τοσαύτην ἀγάπην πρὸς τοὺς ἡμετέρους περιφανεῖς ἄρχοντας τῶν Ρῶς καὶ πρὸς ἅπαντας τοὺς ὑπὸ τὴν χεῖραν τοῦ περιφανοῦς ἡμῶν ἄρχοντος φυλάττειν ἀσχανδάλιστον καὶ ἀμετάβλητον, πάντοτε καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας.

Для сравнения приведем аналогичные пассажи из византийских грамот: ἵνα παρὰ τοῦ... χουμουνίου... Βενετίας φυλαχθῶσι καὶ κρατηθῶσι καὶ ἀποδεχθῶσι παντοιοτρόπως ἀπαράθραυστα πάντα τὰ προρρηθέντα κεφάλαια ⁴⁶ («дабы коммуна Венеции всеми способами непоколебимо соблюдала, хранила и признавала все вышеупомянутые пункты договора»); τὰ... συμφωνηθέντα πρὸς τὴν βασιλείαν μου... οἱ ἔποικοι τοῦ χάστρου καὶ τῆς χώρας Πίσσης διεβεβαιώσαντο, ὡς ἵνα φυλάττωσι βέβαια καὶ ἀπαράθραυστα ⁴⁷ («да будут обитатели города и страны Пизы твердо и непоколебимо соблюдать обязательства, согласованные в отношении моей царственности»).

Теперь бросим взгляд на запрет на нарушение договора в целом в русском договоре: «не владим, елико наше изволение, быти от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; но подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, греки, исповеданием и написанием со клятвою извещаемую любовь непревратну и непостижну. Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко княземъ нашим свѣтлым руским и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и во вся лѣта».

После запрета на нарушение русская заключительная грамота была продолжена *инсертом из византийской императорской грамоты*. Там обозначены материальные обязательства греков и содержатся предписания о юридической силе русско-византийского договора.

⁴³ ММ 3, 43₁₂.

⁴⁴ G. Ferrari. I documenti..., p. 58.

⁴⁵ ММ 3, 96₉.

⁴⁶ ММ 3, 96₅.

⁴⁷ ММ 3, 11₄.

Инсерт открывается изложением пунктов договора, начинаясь со слов: «А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице: да елико явѣ будетъ показании явлеными, да имеютъ верное о тацѣхъ явлении; а ему же начнуть не яти вѣры, да кленется часть та, иже ищетъ неятю вѣры; да егда кленется по вѣре своей, и будетъ казнь, яко же явиться согрешенье»⁴⁸, — и кончая словами: «Си же вся да створять Русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково».

Из императорской грамоты, договорные пункты которой пока не будут здесь анализироваться, вставлено в качестве инсерта (как и в посреднической грамоте 944 г.) также предписание о засвидетельствовании и о юридической силе (т. е. правовом осуществлении) *договора*. Поскольку эти строки, содержащие распоряжение о засвидетельствовании договора и о приведении его в исполнение, интерпретируются самым разным образом, мы, чтобы рассмотреть различные гипотезы, приведем их теперь полностью и тщательно прокомментируем. Сначала мы вновь напомним о том, что речь идет об *инсерт*е из *византийской встречной грамоты, отправителем которой был император*.

Распоряжение о засвидетельствовании гласит: «На утверженье же неподвижение быти межю нами⁴⁹ хрестъяны⁵⁰, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым писанием на двою харатью, царя *нашего* и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосуцною Троицею единого истинаго бога нашего извести⁵¹ и дать *вашим* послом».

⁴⁸ К сожалению, здесь невозможно упомянуть обо всех предлагавшихся до сего времени интерпретациях этой первой статьи инсерта. Ключевое значение в приведенном пассаже мы придаем слову «проказа», от смысла которого зависит понимание всей статьи. Толкование спорной статьи было бы, на наш взгляд, безупречным, если воспринимать славянское слово «проказа» как перевод (вероятно, образованный *ad hoc*) греческого понятия *πρόληψις*, означающего фигуру права (латинское *praesumptio*), которая могла служить способом доказательства перед судьей. *Πρόληψις* означало *предположение* в правовом значении, вероятный вывод, вытекающий из доказательств (ср. *D. Simon. Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozeß. München, 1969, S. 193 ff.*). Таким образом, разбираемая статья как будто содержит предписание на тот случай, если при ссоре между русами и византийцами дело дойдет до *πρόληψις*. Если наше предположение верно, упомянутая статья должна переводиться следующим образом (даем перевод на новогреческом): *Σε ὁ, τι αφορά τῆς κερφαλαίας (terminus technicus процессуальной процедуры со значением «пункт переговоров», «часть судебного дела») εἰάν προκίψει πρόληψις, ορίζουμε τὰ εἴδη τοῦ μέτρο, ποῦ θὰ καταστεί εμφανές, κα ἀποδίδεται πίστη στα εἰρημένα ἀποδεικτικά στοιχεῖα. Ὅσα δε (ἀπό αὐτὰ τὰ στοιχεῖα) δὲν ἀποδείχθωσιν πιστευτά (ἀληθῆ), βαρύνουσι με ὀρκο τὸ μέρος ἐκεῖνο, τὸ ὁποῖο ἐπιζητεῖ ἀπορία πίστης. Εφόσον δε (τὸ ἕνα ἀπὸ τὰ μέρη) ὀρκιστεῖ σύμφωνα με τὴν πίστη του, ὁ καταμερισμὸς τῆς ποινῆς κα εἶναι ἀνάλογος με τὸ μέγεθος τῆς ἀποδείξεως τοῦ πταίσματος.* Перевод: «А о пунктах переговоров, если произойдет случай презумпции, мы устанавливаем следующее: в той мере, в какой выяснены обстоятельства дела посредством очевидных доказательств, пусть эти доказательства заслуживают веры. Однако те (доказательства), в отношении которых нет веры, обременяют клятвой ту из спорящих сторон, которая настаивает на недоказанном. Поскольку сторона поклялась в соответствии со своей верой, то и наказание будет соответствовать степени доказанности преступления».

⁴⁹ Так как речь идет здесь об инсерт из византийской грамоты, читаем соответственно: *нами* хрестъяны, царя *нашего*, *вашим* послом.

⁵⁰ «Хрестъяны» (христиане) во всех трех договорах обозначают греков в качестве стороны, противоположной языческой Руси.

⁵¹ Как глагол «известить», так и относящиеся к нему слова означают не подписание грамоты императорской рукой (как это все снова и снова толкуется в литературе), а имеют в виду *засвидетельствование* грамоты.

К глаголу «утвердिति»⁵² относится отглагольное существительное «утверждение», соответствующее греч. στερέωσις или βεβαίωσις. См. например: διὰ γὰρ τοῦτο αὐτοῖς καὶ τὸ παρὸν χρυσόβουλλον τῆς βασιλείας μου... ἐπεχορηγήθη τοῖς... πραγματευταῖς... εἰς βεβαίωσιν καὶ... ἀσφάλειαν («и поэтому этот хрисовул моей царственности вручен посредникам... на утверждение и... сохранение»)⁵³.

Слово «неподвижение» соответствует греческому ἀπαρασάλευσις (от [ἀπαρα]σαλεύειν) со значением: «неподвижность», «нерушимость», «прочность», «незыблемость». В форме прилагательного (ἀπαρασάλευτος) или наречия (ἀπαρασάλευτως) это выражение многократно употребляется в византийских договорах. См. например: διαμένειν τὰς προγεγονυῖας τρέβας ἀπαρασάλευτους καὶ χωρὶς τινος ἐναλλαγῆς («прежние договоры должны оставаться навсегда непоколебимыми и без какого-либо изменения»)⁵⁴; ἀμεταθέτως καὶ ἀπαρασάλευτως («незыблемо и нерушимо»)⁵⁵.

В словосочетании: «бывший миръ сотворихом Ивановым писанием», — выражение «Ивановым писанием» испытало особенно много попыток его истолкования. В имени Иван желали увидеть писца или возможного переводчика договора 911 г. на старославянский⁵⁶. Модификацию этих предложений представляет собой интерпретация, согласно которой в «Ивановым писанием» видят греческое διὰ χειρὸς Ἰωάννου⁵⁷. Другое истолкование предложил в свое время П. Круг⁵⁸: «Ивановым писанием» возникло, по его мнению, из слова «киноваревым» — от греч. διὰ κίτρινάβάρεως («киноварью», «красными чернилами»), будучи из-за неразборчивости искажено переписчиком. Это предположение кажется удовлетворительным только на первый взгляд. Ни же, читая текст инсерта, находим указания на то, что договор был записан на двух «харатях». Это обстоятельство делает беспредметным предположение Круга: император не мог ни в коем случае удостоверить красными чернилами две грамоты одного и того же договора, так как тем самым он создал бы две оригинальные грамоты⁵⁹.

⁵² Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 85.

⁵³ ММ 3, 993₂.

⁵⁴ ММ 3, 105₂₄.

⁵⁵ ММ 3, 100₂₉.

⁵⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Повесть..., т. 2. Комментарий Д. С. Лихачева, с. 279.

⁵⁷ S. S. Mikucki. Études sur la diplomatie russe la plus ancienne. Partie I // Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie. Nr. suppl. 7. Cracovie, 1953, p. 19. Предложение Микуцкого, так же как и интерпретация Лихачева (и многих других), не убедительны. Упоминание писцов византийских грамот, относящихся к сфере внешней политики, произошло первый раз в 1342 г. (см.: F. Dölger. Diplomantik..., S. 64). До этого момента только в церковных и частных грамотах встречаются указания на писцов; см.: S. S. Mikucki. Études sur la diplomatie...

⁵⁸ P. Krug. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf frühere Geschichte Rußlands. SPb., 1810, S. 79. К этому предложению присоединился, в частности, А. Шахматов (Повесть временных лет. Пг., 1916, т. I, с. 40), так же как и многие переводчики хроники Нестора (например, Р. Траутманн). Обзор и рассмотрение до сих пор предлагаемых интерпретаций этого места см.: С. М. Кауштанов. Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380) // Археологический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 95–96.

⁵⁹ Предположение Круга является неверным и в том случае, если предположить, что обе хартии принадлежали русам (из которых первая будто бы была написана по-русски, а вторая

В императорских хрисовулах бросается в глаза, что заключенные соглашения должны иметь силу «постоянно», «на столетия», «вечно»: *διηνεχῆ καὶ αἰώνιον συμφωνίαν... ἀνακαινίσει καὶ δι' ὄρκου βεβαιῶσαι* («вечное и многовековое соглашение возобновлено и клятвой утверждено») ⁶⁰; *διαβεβαιώσονται ὄρκῳ καὶ ἔγγραφον δὲ τούτων περιεχτικὸν ἔχθωνται... καὶ στέργουσι ταῦτα αἰώνίως* («они это подтвердят клятвой и выдадут об этом грамоту, и соблюдают они это вечно») ⁶¹; *αἰώνίαν τῇ χώρᾳ ὑμῶν τὴν ἐκ τῆς βασιλείας μου καὶ τῶν κληρονόμων καὶ διαδόχων αὐτῆς καὶ τῆς Ῥωμανίας ἀγάπην περιποιήσασθαι* («так надлежит со стороны моей царственности, а также ее наследников и преемников, чтобы как Романия, так и ваша земля воспользовались вечным договором о дружбе») ⁶².

Приведенные примеры наводят нас на мысль, что слово «Ивановым» восходит, может быть, к слову *αἰώνίαν* греческого оригинала, неверно прочитанному переводчиком как *Ἰωάννην* (или *ἰωάν(ν)ην* — «Иоанновым») и переведенное им как «Иван». Если это предположение верно, тогда изучаемый нами пассаж нужно понимать совершенно по-другому, а именно следующим образом: «бывший мир сотворихом [*вбчным*], писанием на двою харатью» ⁶³.

Следующая вызывающая споры часть рассматриваемого пассажа: «(на двою харатью), царя нашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосушною Троицею единого истинаго бога нашего извести», — вполне понятна, если вспомнить о том, что император Лев VI, который осуществил описанное здесь утверждение своей грамоты, был тем самым лицом, которому предписывалось его собственной Новеллой № 72 удостоверить грамоту посредством креста и инвокации. Весьма вероятно, что он и здесь придерживался своих собственных предписаний. Приведенная цитата говорит лишь о том, как император Лев VI удостоверил свою грамоту с текстом договора, т. е. именно ту, которая носила его имя в интитуляции и была обращена к русам. В ней он поставил знак креста в начале грамоты ⁶⁴ и

представляла собою перевод на греческий). Таким образом, византийский император, согласно этому предположению, имел бы грамоту, посланную пятнадцатью русами-язычниками и адресованную ему, заверенную крестом и тринитарной инвокацией, что совершенно неправдоподобно. Согласно Ф. Дэльгеру (*F. Dolger. Diplomantik...*, S. 220 ff. und 241, Anm. 105), подписание императором «неимператорской» грамоты было возможно только в особых обстоятельствах.

⁶⁰ ММ 3, 6₁₂.

⁶¹ ММ 3, 23₂₃.

⁶² ММ 3, 25₂.

⁶³ Здесь я читаю «писанием», как значится во многих рукописях, а не «написанием», как передано в издании Адриановой-Перетц. О слове «харатья» см.: Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 89.

⁶⁴ Ср. инсерт в посреднической византийской грамоте 944 г. (Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 88–89). Там также говорится о кресте, который стоял на императорской грамоте. Издатель ПВЛ правильно указала на то, что в грамоте 944 г. эти строки адресованы греками русам и в связи с этим вставлены слова «царство наше, послы ваши». Однако непонятно, почему Адрианова-Перетц интерпретировала сходное место в грамоте 911 г. совершенно иначе: якобы русы обращались к грекам, — хотя в обеих грамотах речь идет о распоряжении византийской грамоты (*о засвидетельствовании договора*).

включил в текст тринитарную инвокацию⁶⁵, как это было принято начиная с VIII в.

Отправителем этой первой грамоты был император, а адресатом — русская сторона по заключаемому договору. Приведенная выше фраза договора 911 г. могла выглядеть по-гречески следующим образом: (τὴν γενομένην εἰρήνην πεποιήχαμεν αἰώνιαν, ἐγγράφως ἐν δυσὶν χαρτίοις), τῇ τῆς βασιλείαν ἡμῶν, ἰδιοχείρως [или οἰκειοξείρως, οἰκείας χερσὶν] προτάξαντες τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ τὴν ἀγίαν καὶ ὁμοούσιον Τριάδα τοῦ μόνου καὶ ἀληθοῦς Θεοῦ ἡμῶν, κυρώσαντες⁶⁶.

После этого небольшого разыскания, по моему мнению, нет никакого сомнения в том, что император удостоверил знаком креста и инвокацией только одну грамоту, а именно — тот документ, отправителем которого был он сам⁶⁷. Я хотела бы еще раз подчеркнуть, что речь идет здесь отнюдь не о копиях (как обычно толкуют выражение «две харатьи») — ни императорской, ни русской грамоты.

Первая грамота, отправленная императором к русам, содержала прежде всего материальные обязательства греческой стороны и включала как инсерт обязательство русов хранить мир. В ее начале имелись крест и тринитарная инвокация. Отправителями второй грамоты были 15 русов-посланников, а ее адресатом — император. Грамота содержала, в первую очередь, обязательство русов хранить мир, затем — в качестве инсерта — следовали материальные обязательства греков вместе с заявлением о засвидетельствовании и законности договора. Эта грамота не имела ни креста, ни инвокации, так как русы были еще язычниками; однако в ее конце находилось сообщение о клятве, которой они заверяли грамоту.

Перейдем теперь к концовке исследуемого инсерта, взятого из императорской грамоты и включенного в русскую заключительную грамоту, — к определению относительно правовой силы договора (оно выражено в словах: «известить и дать вашим послом»).

В «формуле вручения» запечатлена передача текста договора противной стороне в форме обмена документами (при обоюдной сделке). Ибо «только в

⁶⁵ Инвокация могла выглядеть следующим образом: ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, как это засвидетельствовано, например, в итальянских посреднических грамотах (ср. Я. Малинзуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 82). Более пространный пример того, как инвокация могла выглядеть, представлен нам самим императором Львом VI в его Ταχτικά: Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου καὶ προσκυνητῆς τριάδος... Λέων ὁ εἰρηνικὸς ἐν Ἐριστῷ αὐτοκράτωρ (цит. по: F. Dölger. Diplomatik..., S. 127, Anm. 55).

⁶⁶ Фраза об удостоверении грамоты крестом и *Invocatio* систематически встречается в сходных формулировках в начале всякой частно-правовой византийской грамоты. Например: (ἐγὼ) τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν ἰδιοχείρως πῆχας (или: ποιήσας, καυλογράφας, προεταγμένος). Ср.: И. П. Медведев. Очерки..., с. 51 сл. (здесь перечислены все лексические варианты этой формулы). Другие примеры см.: G. Ferrari. I documenti..., p. 26.

⁶⁷ Нет никакого противоречия в том, что русы обращались к трем императорам, а греческая грамота (согласно формулировке соответствующего места) была заверена одним императором: только старший император имел право удостоверять документы такого рода (см.: F. Dölger. Diplomatik..., S. 124–125, Anm. 45). Равным образом известно, что употребление «множественного величания» в императорской канцелярии не указывало на истинное число царственных персон: в таких случаях мог подразумеваться и один император, и старший император вместе со своими соправителями.

руках адресата грамота является неопровержимым доказательством полностью приведенной в действие ее юридической силы»⁶⁸. Эта клаузула находится на ее законном месте, а именно там, где в инсерте договора 944 г. описывается процедура его ратификации Игорем⁶⁹. Здесь же сообщается и о вручении византийского подлинника противной стороне. В обоих случаях говорится о приведении договора в исполнение, о действии, посредством которого завершилась работа над договором с обеих сторон и заключенный договор вступил в силу: согласно дипломатике, для придания правовой действительности грамоте, ее передача противной стороне при непосредственном процессе соответствует акту ратификации при ее оформлении в ходе сложного процесса⁷⁰.

Инсерт из греческой грамоты, включенный в русскую заключительную грамоту, заканчивается «формулой вручения». И при этом он не оговорен ни единым словом; все это — за исключением второго параграфа (статьи о береговом праве и о рассмотренных предписаниях на предмет засвидетельствования и приведения договора в исполнение) — сформулировано объективно, в отношении как русской, так и греческой стороны.

После инсерта заключительная грамота русских посланников продолжена их *клятвой* перед императором хранить мир и соблюдать взятые русами на себя обязательства: «Мы же кляхемся ко царю вашему, иже от бога суца, яко божие здание, по закону и по покону⁷¹ языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашей от уставленных главъ мира и любви». Приводим вероятный обратный перевод этого пассажа на среднегреческий: Ἡμεῖς δὲ ὠμόσασμεν πρὸς τὴν βασιλεία ὑμῶν, ὅτις ἐκ θεοῦ ὡς θεῖον οἰχοδόμημά ἐστι, κατὰ τὴν συνήθειαν καὶ τὴν ἀρχὴν τοῦ λαοῦ ἡμῶν, μὴ παραβῆναι ἡμᾶς εἴτε τινὸς ἐκ τοῦ μέρους ἡμῶν τὰ περὶ τῆς εἰρήνης καὶ τῆς ἀγάπης τεθέντα κεφάλαια.

Особенно любопытно, что в клятве язычников-русов содержатся элементы византийской Kaiseridee. Словосочетание «царю вашему, иже от бога суца, яко божие здание» отражает мысль, что империя имеет божественное происхождение, а ее император является наместником Христа. Мы уже констатировали в начале текста русской заключительной грамоты (в титулатуре императора) один из элементов идеи «царства божия» («в боге император»)⁷²; другой элемент этой идеи («император от бога») вполне соответствует примерам, собранным Хунгером из византийских императорских грамот (он рассматривает эти элементы в рамках общего понятия — «император под божественным покровительством»)⁷³.

⁶⁸ Ср. L. Bittner. Die Lehre..., S. 29 ff.

⁶⁹ Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 88.

⁷⁰ *Ibidem*.

⁷¹ Термин *ἀρχή* в значении «поконъ» находит многократное подтверждение (см. SJS 3, s. 126); о *συνήθεια* (или *ἔθος*) для понятия «законъ» ср. примеч. 25; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв..., с. 317 сл.

⁷² См. примеч. 22.

⁷³ H. Hunger. Prooimion..., S. 49 ff. Открытым остается вопрос, составили ли русы эту грамоту сами, без какой-либо помощи со стороны греков? Ср. об этом: J. Malingoudi. Die russisch-byzantinischen Verträge..., S. 93.

Формула клятвы пятнадцати русов-посланников не передана в грамоте дословно — указано только на принесение клятвы; связь между формулой клятвы и содержанием договора установлена благодаря тому, что в формуле клятвы имеется указание на договорные обязательства (см. приведенный выше дословный текст). Именно эта клятва посланников (а о ней было заявлено уже в формуле авторизации и затем еще раз в запрете на нарушение договора, в качестве средства застраховать договор о мире, «наделяла клочок бумаги обязательной юридической силой», как справедливо подметил Б. Кайл⁷⁴, и была единственной возможной правовой гарантией международных договоров (в отношении которых не могло быть и речи об их соблюдении с помощью уголовного законодательства того или другого государства, как, например, в отношении частных грамот).

Следует привести предпоследнюю формулу в тексте заключительной грамоты — «формулу вручения»: «И таковое написание дахом царства вашего на утверждение обоему пребывати таковому совещанию, на утверждение и на извещение меж нами⁷⁵ бывающего мира⁷⁶».

Соответствующий греческий текст мог бы выглядеть следующим образом: *καὶ τοιοῦτον ἔγραψον ἐδώκαμεν τῇ ὑμετέρᾳ βασιλείᾳ εἰς βεβαίωσιν ἀμφοτέροις ἐμμένειν ταύτῃ τῇ συμφωνίᾳ, εἰς βεβαίωσιν καὶ κύρωσιν τῆς ἐν ἀλλήλοις γενομένης εἰρήνης*⁷⁷.

Совместное составление «формулы вручения» императорской грамоты, содержащейся как инсерт в русской, обусловило сохранение в последней указания на взаимное вручение противной стороне текста договора, т. е. об обмене документами договора. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что работа над договором подошла к концу и соглашения стали обязательными для обеих сторон.

Русский текст договора датирован. *Дата* состоит из дня, месяца, индикта и года от сотворения мира (2 сентября 15-го индикта 6420 г.)⁷⁸.

Сравнивая русскую заключительную грамоту 911 г. с другими сохранившимися грамотами, констатируем, что составление грамоты другими лицами (посредниками) от лица самого государя делало необходимой введение формулы авторизации, как и формулы клятвы. Что касается отсутствия других формул, то позволим себе уклониться от каких-либо широких выводов, так как текстов заключительных договоров сохранилось слишком мало.

⁷⁴ В. Keil. EIPHH..., S. 3.

⁷⁵ Здесь снова нужно читать «нами» вместо «вами», так как эта строка передает речи русов.

⁷⁶ Слово «мир» в этом месте имеет значение «юридически обоснованный мир», «соответствующее договору правовое состояние», которое теперь установлено между двумя партнерами по договору посредством обоюдного обмена грамотами.

⁷⁷ «Формула вручения» находится также в таких же или аналогичных формулировках частных грамот (ср.: И. П. Медведев. Очерки..., с. 171).

⁷⁸ Ф. Дэльгер, полагая, что индикт не соответствует (?) году, датировал договор второй неделей 911 г. (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. Bd. I. München; Berlin, 1924, No 556).

Таблица формул заключительных договоров

(Сокращения: «+» — имеется; «-» — не имеется; П — Пиза; В — Венеция; Р — Русь; н. с. — не сохранилось)

Формулы	П	В	Р	Р
	111 1	118 7	971	911
I. Инвокация	+	н. с.	-	-
II. Интитуляция:				
Имена участников	+	н. с.	+	+
Уполномоченные инстанции	+	н. с.	Имя/Титул государя	Уполномоченные
	-	-	-	Авторизация
III. Диспозиция договора:				
Адресат	+	н. с.	+	Формула согласия
Пункты договора	+	+	+	+
Сроки	-	-	-	Формула добровольности
IV. Запрет на нарушение	+	+	+	+
Условия	-	-	Санкция	-
Правовая сила	-	-	Формула истинности	-
	-	-	-	Инсерт
V. Средство корроборации	-	-	+	-
	-	-	-	Клятва
	-	-	-	Формула вручения
VI. Датировка	+	н. с.	-	+
VII. Свидетели	+	н. с.	-	-

Теперь мы обратимся к тому тексту, который в хронике Нестора записан под 907 г. Там сообщается о военных действиях киевского князя Олега против Константинополя. Описание содержит много сказочных деталей, однако вслед за ними находится пассаж, формулировки которого напоминают грамоту. Некогда на этот счет вспыхнула страстная полемика, которая не пре-

крашается до сегодняшнего дня. Суть спора состоит в решении вопроса о том, был ли тогда заключен еще один, самый ранний или дополнительный, договор с Византией.

Мы не будем останавливаться на вопросе об историчности или неисторичности похода Олега, но что касается напоминающих текст договора пассажей летописного рассказа, мы полагаем, — как и большинство исследователей, — что они взяты из грамоты 911 г., из той ее части, которая выше была определена как «инсерт из императорской грамоты в заключительной грамоте русов»⁷⁹. Мы попытаемся дать здесь интерпретацию только той информации рассказа 907 г., которая представляет интерес с точки зрения дипломатики.

Итак, в 907 г. князь Олег вместе со своим войском появился под стенами Константинополя и разорил окрестности города. Император Лев и его соправитель Александр были вынуждены вступить с ним в переговоры.

С точки зрения дипломатики, из рассказа о дальнейших событиях важна, по моему мнению, следующая информация: а) князь Олег послал со своими требованиями пять поименно названных мужей к византийским императорам Льву и Александру; б) греки выразили готовность выплатить единоразовую дань русам и разрешили им беспошлинную торговлю в столице; в) достигнутое соглашение было закреплено обеими сторонами посредством присяги (императоры целовали крест, а русы клялись на своем оружии и своими божествами Перуном и Волосом).

По критериям дипломатики, эта информация безупречна; она полностью соответствует дипломатической практике Византийской империи. Известно, что при заключении мира обе стороны подкрепляли клятвой условия мира⁸⁰. Тот факт, что греки клялись по-христиански, а русы призывали в свидетели своих языческих богов, невозможно подвергнуть сомнению. Нужно, однако, отдавать себе отчет в том, что принесению клятвы предшествовало соглашение, ибо клятва должна была относиться как раз к практическим статьям договора, которые она была призвана утвердить. О чем конкретно стороны договаривались,

⁷⁹ На это первым указал А. А. Шахматов (*А. А. Шахматов*. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // *Записки Неофилологического общества*, 1914, ч. VIII), и это мнение разделяют и западные, и многие российские исследователи. Однако доказать этот тезис удалось только О. В. Творогову (*О. В. Творогов*. Повесть временных лет и Начальный свод // *ТОДРЛ*. Л., 1976, с. 3–26): он убедительно аргументировал вывод, что та компиляция русской истории, которая послужила Нестору основой для его хроники и возникла около 1093 г. (так называемый Начальный свод), содержала не абсолютную, а только относительную датировку. Эта констатация очень важна. Она позволяет предположить, что компилятор, введя в летопись абсолютную хронологию, опирался не только на народное предание — он имел также важные основания поместить предание о походе Олега под 907 годом и обогатить взятое им из Начального свода сказание конкретными сведениями о заключении Олегом мира с греками. В обоснование данного предположения приведем следующие доводы: а) устное предание вряд ли могло к началу XII в. сохранить точную дату похода Олега; б) если бы Нестор произвольно избрал 907 г. как год похода Олега, остался бы без ответа вопрос, почему он не перенес дату похода на 911 г., имея в своем распоряжении помеченный этим годом текст договора, — или почему он не поместил поход каким-либо другим близким к 911 годом. Ведь под 908, 909 и 910 гг. в ПВЛ нет никаких записей. Ввиду всего этого я придерживаюсь мнения, что включение Нестором похода Олега в ПВЛ под 907 г. отнюдь не является произвольным.

⁸⁰ *F. Dölger*. *Regesten...*, S. VII, Anm. 4.

мы не знаем. Ясно, однако, что русы требовали от греков каких-то платежей и льгот и что они получили это, чтобы затем покинуть округу Константинополя. Имена пятерых названных поименно посланцев Олега, которые, согласно рассказу, были посланы к императорам, находятся в интитуляции текста русской заключительной грамоты 911 г. на первом, третьем, четвертом, пятом и пятнадцатом местах списка лиц, участвовавших в договорном процессе⁸¹.

Поскольку вся эта информация о переговорах и соглашении между русами и греками полностью соответствует византийским традициям заключения договоров, как об этом известно из других источников, можно считать ее достоверной. Таким образом, оформление договора 911 г. и вручение содержащей его грамоты партнеру представляют собой уже *второй* акт непосредственного договорного процесса, а *первый* его акт (подтверждение соглашения под присягой обоими государями) предшествовал по времени его засвидетельствованию.

Упомянутое засвидетельствование состоялось только в 911 г. Мы имеем поэтому все основания заключать, что первый правовой акт непосредственного договорного процесса (подтверждение соглашения под присягой Олегом, с одной стороны, и Львом VI — с другой) имел место в 907 г. Иными словами: *договор между князем Олегом и византийскими императорами был осуществлен в два этапа; в 907 г. имели место переговоры, включая подтверждение достигнутых соглашений под присягой, тогда как засвидетельствование текста договора задержалось во времени и произошло только в 911 г.* Несмотря на то, что эти два акта процесса заключения договора были разделены четырьмя годами, договор приобретал законную силу только через осуществление второго акта. Об этом свидетельствует дословный текст самой договорной грамоты. Там сказано: а) договор осуществлен «посредством омологии» (устной клятвы Олега и его людей в 907 г.) «и клятвенной грамоты» (оформленной уполномоченными лицами вместо самого Олега в 911 г.); б) теперь утвердили «любовь, бывшую многожды,.. писанием»⁸².

Перейдем теперь к поставленному выше вопросу, откуда Нестор, писавший ПВЛ во втором десятилетии XII в., получил информацию о дипломати-

⁸¹ Вслед за договором 911 г. в ПВЛ помещено краткое известие о том, что после заключения мира послам Олега был показан Константинополь, его главные церкви и сокровища. Послы, щедро одаренные императором, вернулись обратно и сообщили Олегу о заключении мира (см. со слов: «Царь же Леон почти послы Руськие дарами», — до: «и клятвы не преступити ни греком, ни руси»). Согласно нашему предположению, это известие основано на notiции 907 г. о клятве-«омологии» Олега и не относится к засвидетельствованию договора в 911 г., так как, во-первых, договор 911 г. не упоминает вообще о клятве императора, но о ней говорится в ПВЛ под 907 г. — и с полным, по моему мнению, основанием для этого, так как императоры имели обыкновение подтверждать под присягой соглашение до его засвидетельствования (см. предыдущее примеч.; кроме того, грамота была засвидетельствована ими иным способом, а именно — посредством внесения креста, инвокации или подписи). Во-вторых, договор 911 г. нигде не определяет 15 лиц, упомянутых в нем, в качестве послов. Зато в рассказе 907 г. упомянуты пятеро послов Олега, отправленных им к императорам в столицу (сам Олег со своим войском стоял в это время у стен города). В-третьих, в договоре 911 г. названы три императора, что тогда (в 911 г.) соответствовало действительности, в то время как в 907 г. правили только два императора, что и отражено в ПВЛ — причем совершенно правильно употреблена форма двойственного числа.

⁸² См. выше.

ческих аспектах заключения договора в 907 г. Я полагаю, что он имел в своем распоряжении (как и в случае с договором 944 г.) нотицию⁸³ о принесении клятвенной присяги у ворот Константинополя. Однако, так как нотиция была сформулирована объективно и не в строгой юридической форме, он не понял, что записка о соглашении и текст самого договора представляют собой два разных акта, два документа, отражающих два этапа заключения *одного и того же единственного* договора. В силу этой неосведомленности летописец «обогастил» имевшуюся в его распоряжении легенду (она уже была зафиксирована в Начальном своде⁸⁴) информацией, заимствованной из нотиции, и добавил соответствующие ей статьи, взяв их из договорной грамоты 911 г. В связи с этим подвергся переработке весь материал рассказа, получившего тот вид, в котором он знаком по ПВЛ.

Заглавие договора

Теперь, после того, как исследование трех русско-византийских договоров с точки зрения дипломатики закончено, остается найти объяснение той загадочной фразе, которая предваряет в ПВЛ тексты всех трех договоров Руси с греками. Между тем, упомянутая фраза представляет собой, по нашему

⁸³ К этой нотиции, по-видимому, восходит другое указание рассказа ПВЛ под 907 г., которое, хотя оно не относится непосредственно к дипломатике заключения договора, следует упомянуть. Речь идет о том спорном месте текста ПВЛ, где Олег сравнивается со св. Димитрием, так как только святому могло быть дано знание о том, что поданные Олегу греками блюда отравлены. Св. Димитрий выступает при этом как орудие Божье, находящееся на стороне язычника Олега против греков, тогда как, согласно христианской традиции, св. Димитрий с VI в. почитался как покровитель и спаситель города Фессалоники (о разных толкованиях этого места см.: Е. А. Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978, с. 184 сл.). Упоминание блюд в связи с именем Димитрия (греч. Διμήτριος, Διμήτριος) наводит на мысль, не идет ли здесь речь о богине Деметре (греч. ἡ Δήμητρα), которая покровительствовала всем плодоносящим культурам и сельскому хозяйству вообще. В этом ее качестве она была символом земледелия и обычно изображалась вместе с корзиной, полной фруктов и цветов. Соответственно с этим она воспевалась и в поэзии. Так как нормальная обработка земли была возможна только в мирное время, Деметра ассоциировалась также с миром и мирным временем (т. е. с богиней мира — Εἰρήνη). Культ Деметры с самого начала античности был особенно широко распространен в Элевсине (Греция), а впоследствии — и в других странах, в том числе — на юге России, в Причерноморье. Ср. В. Keil. ΕΙΡΗΝΗ..., S. 35; M. Ebert. Rußland in Altertum. Bonn; Leipzig, 1921, S. 277. В X в., как известно, к ценностям античной культуры относились с большим почтением в Византии (ср.: Культура Византии, вторая половина VII–XII в. / Под ред. З. В. Удальцовой, Г. Г. Литаврина. М., 1989, с. 380 сл.). Таким образом, можно было бы допустить, что греки в их нотиции о принесении в 907 г. клятвы Олегом, — в оправдание своей готовности вести переговоры с язычником, — сослались на причины, побудившие их к этому. Они могли использовать при этом имя языческой богини Деметры как символа мира, изобилия и еды (плодов мирного времени), противопоставляемого войне. Позднее, при переводе этой нотиции на старославянский, переводчик (который был христианином и, возможно, не имел никакого понятия об античной богине) мог перепутать Деметру с хорошо ему знакомым св. Димитрием Солунским. Так языческая богиня оказалась принятой за христианского святого.

⁸⁴ См. выше, примеч. 79.

мнению, своего рода ключ к пониманию самих договоров. От ее перевода и интерпретации зависит прежде всего ответ на вопрос о том, с какого именно оригинала был выполнен перевод текста договора 911 г. на старославянский, на каком языке был составлен первоначальный его текст и существовал ли в действительности еще один (четвертый) договор (от 907 г.).

Загадочная фраза: в *договоре 911 г.* — «Равно другаго свещанья, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра»; в *договоре 944 г.* — «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ»; в *договоре 971 г.* — «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣнальдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, в Дерестрѣ, мѣсяца илюля, индикта въ 14, в лѣто 6479».

Первые пять слов, которые одинаковы во всех трех договорах («равно другаго свѣщанья, бывшаго при»), до сих пор вызывают самые различные интерпретации, из которых пять нижеследующих имеют наибольшее распространение.

а) «Копия второго экземпляра договора, бывшего при императорах...». Эта интерпретация соответствует, согласно Н. Лавровскому, греческому выражению τὸ ἴσον τοῦ ἐτέρου συμβολαίου, γινόμενου πρὸς τοὺς αὐτοκράτορας... (sic!)⁸⁵.

б) «Копия договора о дружбе, который был заключен при императорах...». В греческом оригинальном тексте в таком случае стояло бы τὸ ἴσον τοῦ ἐταίρου συμβολαίου. Переводчик ошибочно прочитал ἐτέρου вместо ἐταίρου⁸⁶.

в) «Согласно переговорам, состоявшимся при императорах...»⁸⁷.

г) «Юридически равноценный хрисовулу логосу экземпляр договора»⁸⁸.

д) «Подобный другому договору, который состоялся при императорах...». В основу этой последней интерпретации положено, очевидно, два факта: во-первых, что в договоре 911 г. между предлогом «при» и именами императоров стоят еще слова «тѣх же»; и, во-вторых, что в этом предложении названы два императора (Лев и Александр), в то время как несколькими строками дальше в тексте договора речь идет о трех императорах. В связи с этим утверждается, что должен был существовать еще дополнительный договор, который вступил в силу до правления трех императоров, т. е. до того, как 9 июня 911 г. Константин (VII) возвысился до положения третьего соправителя.

⁸⁵ Н. Лавровский. О византийском элементе..., с. 34 ff. Эта интерпретация принята также А. А. Зиминим (Памятники русского права. Т. I. Памятники права Киевского государства. М., 1952, с. 4, 10, 36, 60).

⁸⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Повесть..., т. 2, с. 272–273; так же в цитированном здесь немецком переводе Траутманна хроники Нестора. От этого чтения дистанцируется только Д. С. Лихачев (комментатор Повести) в: *Его же*. Текстология. Л, 1983, с. 410.

⁸⁷ А. Н. Сахаров. Дипломатия Древней Руси, IX — первая половина X в. М., 1980, с. 139 сл. Ценность этой до сих пор самой обширной работы о русских договорах мы усматриваем в богатой библиографии, рассеянной по аппарату сносок. В остальном же пользоваться этой книгой следует осторожно: автор стремится доказать раннее «дипломатическое признание» Руси Византией.

⁸⁸ С. М. Каштанов. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 213–214.

Вводная фраза, должно быть, была понята так, как это указано в пункте д), уже Нестором, компилятором летописи, так как именно он соединил рассказ, предшествующий договору 911 г., с рассматриваемой фразой («Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд межю Русью и Греки, и посла глаголя: „Равно другого свещанья...“») ⁸⁹.

Объяснение этого ложного истолкования я вижу в том, что в распоряжении Нестора, помимо текста договора 911 г., имелась еще особая грамота-нотификация о клятве князя Олега в 907 г. Эта-то грамота-нотификация (а также неправильное прочтение вводной фразы договора) склонила летописца к предположению, что в 907 г., вместе с окончанием военных действий русов против Византии, был также заключен договор между Русью и империей. Однако, так как у Нестора не было текста этого предполагаемого соглашения, «предшествующего» договору 911 г., он вычленил из текста договора 911 г. те статьи, которые лучше всего соответствовали фактам, упоминаемым в грамоте-нотификации, и поместил их в ПВЛ под 907 г.

Ни одна из пяти приведенных выше интерпретаций не является общепризнанной, так как при этом всякий раз необходимо допускать возможность неверных прочтений, неточностей в переводах с греческого на славянский или изобретать всяческие гипотезы, чтобы с помощью всего этого как-то объяснить разного рода «несоответствия».

Неоспоримым фактом является то, что пять слов этой вводной формулы во всех трех договорах совершенно одинаковы; ни одна из рукописей не дает другого чтения. Второй договор (944) был заключен 33 года спустя после первого, третий договор (971) — 27 лет спустя после второго, т. е. всякий раз должны были трудиться другие писцы и переписчики, а тем более — переводчики (если мы предположим, что при оформлении договора каждый раз делался одновременно и перевод). Тем не менее, вводная фраза оставалась неизменной. По моему мнению, этот факт может означать только то, что указанные пять слов представляют собой, во-первых, формулу, которая была в употреблении неизменной на протяжении десятилетий и, во-вторых, что они были правильно переведены на славянский, в точности отражая греческий оригинал.

Старослав. «равньъ, равьна, равньо» является прилагательным со значением ἴσος («равный, соответствующий»); субстантивированная форма среднего рода употреблялась при этом в качестве *terminus technicus* для греч. το ἴσον («копия», ср. «равняная вѣры» — τα ἴσα τῆς πίστewος ⁹⁰). Сходным образом и в наших текстах договоров это слово употреблено как имя существительное, ибо грамматически зависящее от него выражение «другаго свѣщанья» стоит в род. пад. Так как «равно» означает копию, под «свѣщаньем» следует подразумевать не «устное соглашение», но только грамоту, копия с которой могла быть изготовлена. Слово «свѣщанье» (συμφωνία, соглашение) являлось всегда в византийской дипломатике *terminus technicus* не только для письменного за-

⁸⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Повесть..., т. 1, с. 25.

⁹⁰ SJS 3, s. 544-545; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб, 1903, т. 3, с. 9-10.

фиксированного распоряжения (в качестве синонима терминов ἔγγραφον, ἔγγραφος συμφωνία или conventio⁹¹), но и для обозначения собственно правового акта. Выражение «бывшаго при» — перевод греч. γενομένην ἐπί («состоявшееся во время..», «достигнутое во время правления..»)⁹².

Остается, наконец, установить значение ключевого слова «другаго» и тем самым разъяснить подлинный смысл всей вводной формулы. Местоимение и прилагательное «другъ», «други» может означать как ἄλλος, ἕτερος (alius, alter, «другой, иной»), так и δεύτερος (secundus, «второй»)⁹³. Чтобы установить правильное значение слова «другаго» в нашем случае, нужно учитывать особенности труда переписчика императорской канцелярии, задача которого состояла в том, чтобы переписывать те грамоты, которые каждый раз при заключении внешнеполитического договора вручались императору со стороны партнера по договору. Поступавшие в канцелярию документы переписывались в копиящую книгу на случай утраты этих ценных, заверенных иностранными партнерами посредством подписей, печатей или клятв и обладавших юридической силой оригиналов.

Всякий раз, когда писец переписывал новый экземпляр, он вносил его в копиящую книгу и снабжал его надписью, которая оставалась неизменной на протяжении десятилетий и столетий; это было так называемое *заглавие*. Именно такое заглавие и представляет собой рассматриваемая вводная фраза трех русских договоров; в греческом оригинале оно должно было гласить: τὸ ἴσον ἑτέρας συμφωνίας, γενομένης ἐπὶ τῶν αὐτοκρατόρων — «Копия другого соглашения (симфонии), которое состоялось при императорах...» (в договоре 911 г. — γενομένην ἐπὶ τῶν αὐτῶν αὐτοκρατόρων, т. е. «которое состоялось при тех же императорах»).

Итак, изучаемые нами договорные грамоты были для переписчика каждый раз другой грамотой, которую он подсоединял к ранее переписанным. Ясное представление о своей работе дает нам переписчик договора 911 г., вставивший в заглавие слова «тхх же». Этот переписчик имел дело с несколькими грамотами, скопированными им по одному разу. Тот договор, который он переписал перед грамотой 911 г., был заключен во время правления императоров Льва и Александра (т. е. до 9 июня 911 г., когда его сын Константин был коронован в качестве соправителя Льва VI). Когда переписчик начал писать заголовок договора 911 г. и дошел до того места заглавия, где должны были быть названы имена императоров, он вспомнил о том, что предыдущая, им самим до конца переписанная договорная грамота была заключена при тех же императорах, что и переписываемая им в данный момент⁹⁴, и он вставил слова τῶν αὐτῶν («тѣх же»). Таким образом, переписчик проглядел, что в тексте договора 911 г. названы уже не два, а три имени.

⁹¹ См. Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 77.

⁹² О старослав. предлоге «при» с род. пад. (соответствующем греч. ἐπί, — также с Gen., — и означающем «во время, в то время как») см.: SJS 3, s. 254.

⁹³ SJS 1, s. 518.

⁹⁴ См. аналогичный пример ниже.

Выдающемуся знатоку византийских грамот Ф. Дэльгеру принадлежит сделанное почти полвека назад определение, что переписывание как сфера культурной деятельности византийцев мало изучено⁹⁵. К сожалению, и в данное время этот вывод остается в силе. Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос в их «Исследовании византийских грамот» проводили различие, среди прочего, также между копиями для канцелярии и для адресата (получателя документа), что в каждом отдельном случае устанавливается по определенным признакам, в том числе — и по заглавиям грамот⁹⁶. Русско-византийские договоры принадлежат к так называемым «собраниям копий» (или «копийным сборникам») и составляли часть собраний копий для адресатов. Эти копии хранились не как отдельные документы, а будучи внесенными вместе с другими «копиями для адресатов» в особую книгу, в соответствии с хронологическим принципом. Таких книг сохранилось довольно много, но это по преимуществу монастырские и церковные книги, в которых систематически записывали, чтобы сберечь оригиналы, копии грамот о дарованных духовенству привилегиях.

Копийная книга императорской канцелярии, в которую вносились поступавшие в нее документы, не сохранилась. Однако из подобной копийной книги должны были быть переписаны русские договоры. По моему мнению, речь может идти о своего рода официальных *commentarii principis*, т. е. о книгах, в которых не только находились копии документов с именами соответствующих императоров (оригиналы шли в архив канцелярии), но в которые также вносились всевозможные исторические справки (нотиции) или рассказы о происшедших событиях, связанных с данными копиями. Подобного рода книги велись вплоть до XIII в. (так назыв. *εἰδήσεις*)⁹⁷. В этом убеждают те рассказы и данные, которые имеют отношение к текстам всех трех договоров, сохранных ПВЛ, и к обстоятельствам и процедуре их заключения. Кроме того, спрашивается, откуда мог Нестор, русский монах конца XI — начала XII в., приобрести столь точные познания о дипломатической практике византийской канцелярии и о событиях, связанных с заключением договоров?

Эти официальные *commentarii principis* должны были вестись прежде всего при императорской канцелярии. В них были включены, по моему мнению, наряду с текстами трех договоров, также следующие записи (нотиции): а) рассказ о принесении клятвы Олегом в 907 г.; б) повествование о заключении договора 944 г., в котором, в частности, была подробно описана ратификация этого соглашения⁹⁸; в) рассказ о заключении договора 971 г. и о принесении клятвы князем Святославом и его людьми⁹⁹. Все эти рассказы

⁹⁵ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 96.

⁹⁶ F. Dölger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. I. Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 130–134.

⁹⁷ И. П. Медведев. Очерки..., с. 35 ff.; E. Gerland. Das byzantinische Registerwesen // Archiv für Urkundenforschung. 1933, 13, S. 30 ff.

⁹⁸ Я. Малингуди. Русско-византийские связи в X веке..., с. 85 и примеч. 74.

⁹⁹ Мы отвлекаемся здесь от обширного рассказа ПВЛ о ходе русско-византийской войны возле Доростола, так как этот рассказ, вероятнее всего, взят целиком из нарративного источника.

были объективными, лишенными строгой юридической формы. Тем самым они предоставили Нестору, который, впрочем, не осознавал полностью их дипломатического и правового значения, возможность переработать оказавшийся в его руках материал стилистически и лексически. Разумеется, эти рассказы были доступны Нестору уже в переводах, как и тексты самих договоров.

Возвратимся, однако, к проблеме заглавия. Изучение византийских грамот показало, что заглавие копии адресата отличается в начале документа. Оно начиналось со слов (τὸ) ἴσον τοῦ (= «копия того-то»), за которыми следовали нарицательное существительное, обозначающее переписываемый документ, а также другие данные¹⁰⁰.

Примеры адресных заглавий, которые мы теперь обязаны проследить, показывают составные части реконструируемого нами заглавия русских договоров (эти части будут нами ниже выделены в тексте примеров). Однако мы не в состоянии привести полностью для сравнения соответствующий реконструируемому нами заглавию пример, поскольку, как уже упоминалось, до нас не дошла ни одна копия книга византийской императорской канцелярии. Следующие ниже примеры принадлежат адресатам тех грамот, отправителями которых являлись церковные органы или императоры: τὸ ἴσον τοῦ πιττάχιου («копия питтакия»)¹⁰¹; τὸ ἴσον τῆς γεγонуίας... λύσεως («копия состоявшегося решения»)¹⁰²; τὸ ἴσον τοῦ χρυσοβούλλου («копия хрисовула»)¹⁰³; πιττάχιον πατριαρχικὸν πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην («питтакий патриарха святейшему митрополиту»)¹⁰⁴; следующий за этим ближайший из скопированных документов носит такое заглавие: ἕτερον πιττάχιον πατριαρχικὸν εἰς τὸν αὐτόν («другой питтакий патриарха тому же»)¹⁰⁵; πρόσταγμα Στεφάνου τοῦ κράλλη Σερβίας καὶ Ῥωμανίας («простагма Стефана, короля Сербии и Романии»)¹⁰⁶; аналогичная и ближайшая по времени грамота имеет следующий заголовок: ἕτερον πρόσταγμα τοῦ αὐτοῦ κράλλη καὶ βασιλέως κῆρ Στεφάνου («другая простагма того же короля и императора, господина Стефана») (форма мн. ч. от τοῦ αὐτοῦ — τῶν αὐτῶν является точно такой же, для передачи которой переводчик договора 911 г. вставил в заглавие слова «тѣх же»)¹⁰⁷.

Что касается других данных цитированных выше заглавий русских договоров (имена императоров, титулатура, датировка), то следует указать здесь на монографию И. П. Медведева о византийских частных грамотах. Автор

¹⁰⁰ F. Dölger, J. Karayannopoulos. Urkundenlehre..., S. 131 ff.

¹⁰¹ ММ 6, 32.

¹⁰² ММ 6, 94.

¹⁰³ ММ 5, 138.

¹⁰⁴ ММ 1, 582.

¹⁰⁵ ММ 1, 585.

¹⁰⁶ ММ 5, 127.

¹⁰⁷ ММ 5, 128. Хотя отправителем этой грамоты-простагмы был сербский король Стефан Душан, однако адресатом ее являлся греческий монастырь Иоанна Продрома в Серрах. В этом монастыре грамоты Стефана были внесены в копияную книгу, где они были обозначены приведенным выше заглавием. Оно, несомненно, имело форму, соответствующую византийской традиции, которая складывалась на протяжении столетий.

упоминает Новеллу № 47 императора Юстиниана I¹⁰⁸. Она содержала предписание, чтобы лица, обязанные оформлять документы, ставили в начале каждого из них имя государя, дату, а также сообщали другие соответствующие делу данные. Нельзя ли уже в этом усмотреть истоки формуляра рассматриваемого заглавия?

Однако откуда переписчик брал эти данные? По моему мнению, здесь следует полностью согласиться с мнением Ф. Дэльгера¹⁰⁹: «Необходимо... предположить, — пишет он, — что данные об участниках, времени, предмете обсуждения (*propositio*) и т. д., которые содержатся в заглавиях в рамках нашей традиции, первоначально должны были быть заимствованы из соответствующих формул оригиналов (иначе откуда переписчик должен был их почерпнуть?), однако, с другой стороны, формулировки, которые содержали эти данные при вводе их в заглавия при традиции копирования, не претендуют на дословное воспроизведение первоначальных формул. Происходит как раз наоборот: там, где еще содержатся шаблонные остатки в отчетливом виде оригиналов, они-то и должны считаться остатками дипломатического оформления оригинала».

Согласно проведенному в этом разделе нашей статьи исследованию, мы рассматриваем как доказанные следующие факты:

а) Вводная фраза каждого из трех договоров («равно другого свѣщанья, бывшего при...») является заглавием; б) это заглавие, вне сомнения, представляет собой византийскую формулу, которая должна была быть написана по-гречески; в) заглавие и следующие за ним тексты договоров заимствованы из официальной византийской копийной книги (составленной, вероятно, по типу *commentarii principis*); г) в эту книгу были внесены копии имеющих законную силу оригинальных грамот, которые были вручены русской стороной соответствующим византийским императорам (т. е. те грамоты, которые были переданы им в 911 г. пятнадцатью лицами, названными в грамоте, в 944 г. — пятьдесят одним посредником и в 971 г. — самим князем Святославом); д) сохранившиеся в ПВЛ тексты договоров являются переводами копий с имеющих законную силу русских оригинальных грамот.

Спрашивается теперь, каким путем тексты договоров могли попасть в составленную Нестором летопись? Мы не будем исследовать этот вопрос специально, так как проблема выходит за рамки дипломатики, к тому же ответ на нее не может быть дан без предварительного лексического и историко-правового анализа текстов договоров. Здесь мы решили изложить лишь некоторые соображения на этот счет, которые, однако, должны рассматриваться в качестве гипотезы, а отнюдь не доказанных тезисов.

Известно, что копияные книги (*commentarii principis*, в той их форме, в какой о них сказано выше в связи с изучаемыми договорами) были система-

¹⁰⁸ И. П. Медведев. Очерки..., с. 106 и сл.

¹⁰⁹ F. Dölger. Diplomatiek..., S. 126. В этой цитате речь идет о византийских эдиктах, однако заключение автора, несомненно, справедливо и по отношению к другим видам грамот (что касается копияных собраний, то все зависело при этом только от содержания грамоты).

тизированы в соответствии с хронологией (а отнюдь не по тематике или территориям) и обычно включали документы, составленные в рамках одного года¹¹⁰. Это означает, что русско-византийские договоры, прежде чем попасть на Русь, должны были быть отобраны из нескольких копийных книг. По моему мнению, копирование всех трех договоров последовало за этим отбором, так как, во-первых, если каждый раз после заключения договора с русами должны были быть в наличии в канцелярии оригинальные грамоты с русской стороны, их могли бы отыскать в архиве императорской канцелярии и тогда тексты сохранившихся договоров не имели бы никаких заголовков. Таким образом, уже по этому можно заключить, что извлечения из копийных книг происходили тогда, когда была утрачена память о русско-византийских соглашениях. Во-вторых, так как эти грамоты, будучи официальными документами, хранились в императорской канцелярии в Константинополе, легко представить себе, что свободного доступа в это центральное ведомство не существовало. Доступ мог быть предоставлен, по всей вероятности, только по просьбе или распоряжению высокой инстанции или крупного должностного лица — для вполне определенной цели или по определенному поводу.

Здесь нет возможности строить предположения о том, кто на Руси был заинтересован в получении текстов русских договоров (государство, церковь, летописец или кто-либо другой). Может быть, переписка документов из копийных книг произошла между 971 и 1046 гг. На это предположение нас наводит тот факт, что в 1046 г. был заключен очередной договор между Русью и Византийской империей, а за три года до этого русский князь Ярослав Мудрый решил на организацию завершившегося неудачей похода против Византии (1043), во время которого много русов попало в византийский плен. Договор 1046 г. сопровождался возвращением пленных на родину¹¹¹ и браком одного из сыновей Ярослава (Всеволода) с дочерью византийского императора Константина IX Мономаха. Разумеется, и этот договор должен был быть зарегистрирован в византийской канцелярии, да и русская сторона должна была получить экземпляр этого соглашения. Однако то обстоятельство, что в ПВЛ не приведено не только текста договора, но и никакого упоминания о нем под этим годом, доказывает, что он остался неизвестным Нестору. Поэтому логически правомерно заключить, что если бы переписка текстов договоров X в. из византийской копийной книги состоялась после заключения договора 1046 г., тогда в ней нашел бы отражение и этот последний русско-византийский договор, который затем вместе с другими был бы внесен и в ПВЛ.

Был ли осуществлен перевод текстов договоров сразу после их переписывания из копийных книг или это было сделано позднее, остается невыясненным. В результате нашего исследования мы твердо уверены только в том, что Нестор был знаком с договорами уже в переводе на старославянский¹¹².

¹¹⁰ E. Gerland. Registerwesen..., S. 31.

¹¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Повесть..., т. 1, с. 103–104.

¹¹² Договоры стали известны Нестору между 1095 (возникновение Начального свода) и 1116 г. (составление им своей хроники), см.: О. В. Творогов. Повесть..., с. 18 сл.

Датировка перевода станет, на наш взгляд, возможной только тогда, когда инсерты в договорах 911 и 944 гг. будут подвергнуты историко-правовому и лексическому анализу как в рамках древнецерковнославянской переводной литературы, так и в обратном переводе на среднегреческий, и этот анализ даст убедительные аргументы, относящиеся к данной проблеме. На сегодняшний день мы предпочитаем ограничиться выводом, что тексты договоров были, вероятнее всего, переведены в период после 971 г. (дата заключения последнего из сохранившихся договоров) и до 1116 г. (создание ПВЛ).

Перевод с немецкого Д. А. Коробейникова